

— Буквально через две недели мне снова пришлось вести разговоры на эту тему, теперь уже в Апатитах - с Остапенко, Леонтьевым, Ивановым, Ляцким, Петрунькиным, и куда более мучительные, чем в Мурманске с Ивановым. Формальным поводом для моей поездки в Апатиты была просьба Петрунькина, председателя месткома Апатитского отделения ПГИ, рассмотреть и обсудить их предложения к коллективному договору.

— За несколько дней до этого там был Пивоваров, но они от него никакого толку не добились. Он там, похоже, ещё больше публику возбудил тем, что с Петрунькиным вообще разговаривать не стал, претензий ничьих слушать не пожелал, неясно было, зачем и приезжал-то.

— Очевидно было нарастание взаимного недовольства и непонимания между Пивоваровым и апатитянами, и я предложил Пивоварову послать меня попробовать разобраться с их претензиями.

28 сентября 1991 г., там же

В Апатитах меня первым делом ознакомили с двумя бумажками. Одна из них представляла собой подписанное сорока сотрудниками АО ПГИ, в том числе Остапенко и Мингалёвым, коллективное требование "повысить зарплату всем категориям работающих в ПГИ пропорционально проведённому повышению зарплаты научных сотрудников". Вторая содержала предложения АО к коллективному договору, среди которых были такие как "предоставить финансовую самостоятельность Апатитскому отделению", "установить контроль месткома над финансовой деятельностью администрации" и тому подобная довольно агрессивная и весьма безграмотно сформулированная чушь.

Я готов был обсуждать эти "документы" с кем угодно, то есть с народом на собрании или с его представителями в просторном кабинете директора, но сначала мне хотелось послушать начальников отделов (Лазутина, Остапенко, Ляцкого, Леонтьева, Лемнева) и председателя месткома Петрунькина.

Лазутина не было, с Ляцким я уже неоднократно разговаривал, так что я решил начать сразу с главных нынешних бузотёров - Остапенко и Леонтьева. Пригласил первым Остапенко, тот сразу попросил и Леонтьева позвать, вместе, мол, чтоб держаться. Позвал и того, и повёл разговор с обоими сразу.

Тяжёлый разговор.

Обоих я знал давно. Леонтьев был одним из первых выучеников Ляцкого и Мальцева, под их руководством сделал кандидатскую, а потом пошёл служить Распопову сначала в Учёные секретари, потом начлабом стал, резко отмежевавшись от своих недавних наставников - непримиримых врагов Распопова.

С Остапенко же я пил водку в измирановской гостинице вместе с Юрой Саенко, они в один день на одном совете защищались. И Остапенко, нагрузившись как следует, поносил и Ляцкого, и Мальцева на чём свет стоит, невзирая на то, что я сообщил ему о своём давнем приятельстве с ними. Мафия, мол, они, воображают о себе много, тоже мне учёные. Наверное, тормозили ему диссертацию Юра со Славой.

С тех давних пор оба - Остапенко и Леонтьев - забурели, в матёрых мужиков превратились. Грузные оба, большие. Леонтьев попузатее, Остапенко повыше. Остапенко - тёзка мой полный, Александр Андреевич, Леонтьев - Сергей Васильевич.

Претензии их к администрации мне были понятны. Да, Пивоваров - балабол, болтун, трепло. Даже некомпетентен в практических делах. Может нагородить, наобещать чего угодно, не задумываясь. Деньги считать не умеет и не хочет учиться. Организатор никакой, в людях не разбирается, мечется туда-сюда. Над ним смеются уже. Всё так.

Но Вы же сами его выбрали. За него в Апатитах больше 80% проголосовало. А теперь что? Бунт против него поднимать? А к кому апеллировать? К ООФА? К Мигулину? И что он скажет?

— А скажет он вот что. Всё. Хватит. Так вам, "демократам" и надо. Навыбирались. Ну вас на фиг. И назначит директором того же Терещенко. Лучше вам от этого станет?

— Пивоваров, по крайней мере, человек порядочный. Или хочет им быть, старается. При всех его недостатках у него и масса достоинств есть. Вспыльчив, но отходчив. Управляем. Любит в Москве и за границей "связи устанавливать", коммуникабелен, без комплексов, а это важно для положения института во внешнем мире.

— Так что бунтовать против него бессмысленно и вредно. Я, во всяком случае, не собираюсь поддерживать борьбу против него, хотя и мне в нём многое не нравится. Надо приспособливаться к нему.

— Теперь по конкретным вещам. Повышение зарплаты. Инженерам. И не только инженерам. А и всем. Откуда? Из каких шишей?

— Научным сотрудникам повысили, так на то Указ Президента был, который и денег на это пообещал, да не дал. Я бы и научным-то сотрудникам подождал повышать, раз денег не дают, это уж Пивоваров решил под вашим же давлением.

— А всем повышать, когда бюджет неизвестен, это, извините, авантюра. Я - не Павлов, у меня печатного станка нет. Да и народ наш в ПГИ - не шахтёры, забастуют - страна не зарыдаёт.

— И тут я Вас, Александр Андреевич, решительно не понимаю как подписавшего это письмо. Ну, народ, ладно. Ему плевать, где начальство деньги возьмёт, это его, мол, заботы, на то оно и начальство. А Вы-то - сами начальство, начальник отдела, представитель администрации.

— Добудьте денег, заключите договора или сокращение проведите, и повышайте зарплату у себя в отделе, кто Вам мешает? А письма такие подписывать ультимативные - это и значит народ возбуждать на бунт вместо того, чтобы его успокаивать, разъяснить ситуацию. И за это Вам Пивоваров ещё 600 р в месяц платит как начальнику отдела? Дорогое удовольствие.

— А финансовая самостоятельность Апатит? Это же блеф. Старая идея - деньги поделить между Мурманском и Апатитами. А что делить-то? Какие деньги? И уж если делиться, то это же невыгодно Апатитам, договора пока только в Мурманске предвидятся.

— И про долги прошлого года бесполезно сейчас спорить, не из чего их возвращать, да и не ясно вообще, кто кому должен и должен ли.

— *29 сентября 1991г., там же*

— Всё это я им говорил неоднократно и раньше. А они в ответ, словно не слыша, тоже всё старые доводы приводят: все вокруг давно уже зарплаты повысили, у нас же тут в Апатитах все другие институты рядом, под боком, их зарплаты нашему народу на нервы действуют...

— Я им в ответ:

— - Да не считайте вы деньги в чужих карманах, что за психология советская! Они - другие институты - по своим средствам живут, а мы по своим должны.

— Не реагируют.

— И опять двадцать пять:

— - Мурманск грабит Апатиты, вот в прошлом году куда наши деньги ушли?

— - Сами знаете куда: на МЕРЫ и модули терещенковские.

— - Верните эти деньги нам.

— - Из чего?

— - А нам всё равно. Это ваши проблемы.

— И т.д., и т.п.

— В таком вот духе проговорили с обеда до семи вечера в институте, потом к Остапенко пошли и за водкой далеко за полночь всё о том же, а с утра опять в институте, но уже с подключением сначала Ляцкого и Иванова, потом Петрунькина, причём без обеда, с одним чаем, так что к поезду я был как никогда измочален.

— Договорились лишь комиссию создать по выяснению, кто кому должен за прошлые годы. Все остальные их требования я обещал рассмотреть вместе с Пивоваровым и дать ответ через неделю.

— Да ну их на фиг, - думал я, трясясь в вагоне из Апатит в Мурманск, - пусть отделяются, если им так хочется. Им же хуже будет, так хоть скандалить, может, перестанут.

— И предложил Пивоварову: во-первых, Остапенко официально предупредить о его неполном служебном соответствии в связи с подписанием им "требования народа"; во-вторых, предложить апатитянам изыскать средства на повышение зарплат за счёт сокращения штатов; в третьих - предоставить им финансовую самостоятельность, но с условием: деньги между Мурманском и Апатитами делятся либо по текущим фактическим затратам, либо по смете прошлого года, после чего чтобы никаких обращений к директору за помощью не было.

— Самостоятельность так самостоятельность. Раз они директору не доверяют, а это так, поскольку само требование отделения означает недоверие к нынешним распорядителям средств, то пусть к нему и не бегают потом.

— Пивоваров, злой, как чёрт, на баламутов-апатитян, с этим предложением согласился. Я на всякий случай ещё и СУС мурманский собрал обсудить мои предложения. СУС их одобрил, прекрасно понимая, что Мурманску от отделения Апатит хуже не будет.

— Затем Иванов, Остапенко и Петрунькин приехали в Мурманск разбираться с прошлыми долгами (как и ожидалось, пришли к тому, что за два последних года Апатиты с Мурманском примерно квиты), и я им объявил о намерении администрации предоставить Апатитам самостоятельность на таких-то условиях.

— Они опешили слегка, ибо, похоже, сами-то не слишком всерьёз относились к аболяционистским требованиям апатитского населения ПГИ. Пообещали обдумать предложение.

— И, наконец, Пивоваров отправился в Апатиты на собрание АО обсуждать их предложения к коллективному договору, прихватив с собой меня.

— Народ тамошний явился на собрание готовым сказать директору всё, что он о нём думает. Пивоваров предложил начать с вопросов к нему, но ему довольно невежливо дали понять, что им, мол, и так всё ясно, вопросов нет, давайте колдоговор обсуждать сразу.

— Пивоваров оскорбился и замолк. А народ, приступив к обсуждению колдоговора, где главным пунктом была пресловутая финансовая самостоятельность Апатит, тут же убедился, что без вопросов к директору ему никак не обойтись. А Пивоваров теперь ни на какие вопросы отвечать не собирался - я вам, мол, предлагал, а вы не захотели.

— Обстановка на собрании моментально стала склочной. Пивоваров завёлся. Взял себе слово и объявил свой ультиматум: или я, мол, царь, или отделяйтесь и живите, как хотите, а я буду лишь формально числиться директором, но всякую ответственность за вас и ваше будущее в этом случае я с себя снимаю. Хлопнул дверью и ушёл. В который уже раз. И я с ним. А народ остался гудеть.

— Не согласятся они на такую самостоятельность, - уверял я Пивоварова на обратном пути в Мурманск.

— А тогда пусть не вякают, - хорохорился директор.

11 октября 1991 г., ПГИ

На том, собственно, очередная волна бузы и кончилась.

Во всяком случае разговоры о финансовой самостоятельности Апатит на время прекратились.

Вскоре окончательно определился объём бюджетного финансирования института на год, денег дали чуть побольше, чем в прошлом году, но с учётом инфляции и неясности с хоздоговорами этих денег до конца года не хватало. Тем не менее надо было их как-то

распределить в институте, то есть сделать наконец то, чего так жаждали апатитские любители делить деньги вроде Серёжи Леонтьева.

— Я предложил Пивоварову поделить то, что осталось ещё неистраченным, скажем, к 1 июня, не по головам, а по темам, а ещё лучше - по крупным направлениям, коих у нас пять, а уж внутри них пусть деньги руководители направлений делят по группам, как сочтут нужным. При этом под направлениями я имел в виду те пять тем, которые предлагались администрацией в качестве основных плановых тем в конце прошлого года (темы Пивоварова, Намгаладзе, Ляцкого, Лазутина и Терещенко), и к которым потом были приплюсованы темы Леонтьева и Остапенко.

— Пивоваров согласился и объявил о таком своём решении на Учёном Совете в конце мая. Интересно, что теперь уже никто не отстаивал старого принципа делёжки "по головам" и не возражал против перехода к потемному финансированию, но, естественно, запротестовали Остапенко и ребята из отдела Леонтьева (его самого не было на Совете):

— Как, мол, так? Это что же, получается, наши темы выкинули?

— Ответ был:

— Ваши темы вписываются, входят в направления, они не самостоятельны по существу и будут финансироваться руководителями тех направлений, по которым вы работаете: Пивоваровым, Ляцким, Намгаладзе.

— Такой ответ недовольных не устраивал, и они требовали делёжки не на пять, а хотя бы на семь частей. Пивоваров было заколебался, обещал ещё подумать, но уже после Совета я ему настоятельно рекомендовал не дёргаться и придерживаться выбранной линии, которая, кстати, очень понравилась Юре Мальцеву: наконец-то хоть какие-то зачатки конкуренции появились!

— Остапенко же был страшно зол после Совета и высказался мне:

— Ну, что, отомстили нам с Леонтьевым? Довольны?

— Леонтьев, разумеется, тоже не обрадовался и нашёл интересный способ борьбы: стал жаловаться на Пивоварова, который якобы закрывает (!) оптические исследования в ПГИ, всем, кому не лень, и, в частности, на конференции в Норвегии, куда ездило пол-ПГИ (я-то не ездил всё ещё никуда за границу), жаловался Фельдштейну из ИЗМИРАНа, Гальперину из ИКИ, Трошичеву из ААНИИ, которые тут же допекали Пивоварова: как же, мол, так? Нехорошо, мол. И мне потом Фельдштейн тоже пенял.

— Кончилось это тем, что, когда пришли дополнительные деньги по программе "Арктика", Пивоваров отвалил Леонтьеву самую крупную долю (150 тысяч рублей из 520), чем всех удивил, а меня раздосадовал: позволил Леонтьеву показать, как надо деньги из директора выдирать - криком, базаром на всех углах.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)